Л.Н. Борох

ИВ РАН

Сочинение на заданную тему

Летом 1951 г. я приехала из провинции в Москву с намерением поступить на восточное отделение исторического факультета МГУ. Изучать Китай мне посоветовал один из школьных преподавателей. Несмотря на мою полную неосведомлённость о будущей специальности, идея показалась очень заманчивой. На собеседовании, которое тогда устраивали для медалистов, меня спрашивали о русско-турецких войнах. Но зачислили в китайскую группу. Когда 1 сентября собрались все «восточники», выяснилось, что больше всего желающих изучать Китай, Корею, Вьетнам. Подобный выбор в полной мере соответствовал духу времени. Все испытывали интерес к победившему Китаю, к борющейся с американским империализмом Корее, сражающемуся против колониализма Вьетнаму. В японскую группу зачисляли тех, кто набрал на экзаменах меньшее количество баллов. Страна считалась абсолютно неперспективной.

Открытие Китая для меня началось с первого занятия по языку. Группа (в неё входили А.М. Григорьев, Ф.Б. Белелюбский, Е.П. Синицын, аспирант Н.Б. Зубков и др.) насчитывала человек 16. Нашим первым преподавателем стал В.С. Колоколов, известный знаток языка, создатель «Краткого китайско-русского словаря», изданного ещё в 1935 г., которым тогда пользовались все китаисты. Каждый студент получил большой лист с красиво написанными иероглифами. Это был текст знаменитой песни Дун фан хун («Алеет Восток»):

Дун фан хун, Алеет Восток,

Тай ян шэн. Взошло Великое солнце.

Чжунго чу ляо гэ В Китае появился Мао Цзэдун. Мао Цзэдун.

В памяти остался рассказ Всеволода Сергеевича об особенностях китайской письменности, где, как известно, иероглиф означает целое понятие, представляя графически миниатюрную картинку. И хотя перед нами лежал текст современной революционной песни, та особая образность, которой он пользовался, раскрывая смысл каждого иероглифа, передавала дух древности,

[©] Борох Л.Н., 2012

вызывала ощущение причастности к иному миру. После первого занятия мы уже знали, что китайцы называют свою страну *Чжун го* (Срединное государство), и могли написать эти два иероглифа. Что касается *Дун фан хун*, то в течение нескольких уроков мы заучивали наизусть куплет за куплетом, а впоследствии вдохновенно пели её на студенческих вечерах и в турпоходах.

Вопрос о специализации решался на 4 курсе, когда надо было уже приступать к написанию диплома. Самой интересной мне показалась тема «Гу Яньу и его труд "Жи чжи лу"», предложенная Л.В. Симоновской: я собиралась заниматься средневековым Китаем и начать с изучения биографии конфуцианского учёного XVII в. и его сочинения «Записи ежедневных познаний». Но случилось так, что кто-то меня опередил, и все средневековые «вакансии» оказались закрытыми. Я очень переживала. Дело заключалось в том, что варианты, предложенные по новой и новейшей истории, мне не нравились. В первом случае это были внешнеполитические сюжеты («Китай и державы»), во втором – история революционных войн. В сложившейся ситуации я стала искать тему, прибегнув к самому примитивному способу. За два дня прочла «Новую и новейшую историю Китая», написанную Г.В. Ефимовым (500 страниц!), из которой впервые узнала о существовании «Союза возрождения Китая», политической организации, созданной молодым Сунь Ятсеном. Г.Б. Эренбург согласился мною руководить, хотя и беспокоился, что мы не наберём источников. Таким образом вопрос о специализации был решён. Впоследствии я никогда не пожалела о слеланном выборе. Группа изучающих новую историю состояла всего из двух человек – А.А. Волоховой, которая всегда интересовалась международными отношениями, и меня. Работалось с Георгием Борисовичем легко. Будучи человеком доброжелательным, он ценил наши старания и радовался, когда что-то получалось. К тому же, как мне кажется сейчас, общение с Георгием Борисовичем всегда создавало хорошее настроение, поскольку он отличался остроумием, эрудицией и необычной для того времени элегантностью. После окончания Университета я продолжала бывать у него дома на Новой Басманной, где в уютной комнате под очень большим абажуром собирались его ученики и коллеги.

В университетские годы студенты-китаисты часто общались со своими сверстниками – стажёрами из КНР, изучающими в МГУ русский язык. У меня остались очень тёплые воспоминания о дружбе с Ван Хун, одной из аспиранток, поражавшей своим трудолюбием и упорством. Придя в Институт китаеведения, я встретилась с другим поколением китайцев. Сектором государственного строительства КНР, где тогда собрались удивительно интересные люди (А. Меликсетов, Ю. Левада, Г. Остроумов, К. Крючкова, В. Барышников), руководил А.Г. Крымов (Го Шаотан). Он только что возвратился из Китая, куда ездил после долгого отсутствия, был полон впечатлений от встреч с родственниками, с товарищами по революционному движению и руководителями нового Китая (Чжоу Эньлай, Лю Шаоци). Обладая прекрасной памятью и, будучи темпераментным рассказчиком, Афанасий Гаврилович стал для нас живым источником знаний о Китае.

Встреча с таким человеком поражала воображение. Он ещё застал древних стариков, имевших на лбу и щёках клеймо *тай-пин тянь-го* («небесное государство тайпинов»), которое ставили повстанцы своим пленникам. В детстве носил косичку, знак повиновения маньчжурам, и видел, как земляки обрезали свои косы, когда началась Синьхайская революция. В 1924 г. он в толпе студентов встречал Сунь Ятсена на набережной Шанхая и в качестве журналиста побывал на пресс-конференции, которую в своей резиденции давал президент. Только перечисленных фактов было бы достаточно, чтобы поразить воображение любого историкакитаиста. Однако в его последующей полной драматизма жизни (участие в коммунистическом движении, обучение в Москве, работа в Коминтерне, арест, Гулаг, реабилитация) отразились события уходящего века, сложное переплетение исторических судеб Китая и России.

История другого китайского коллеги, ставшего мне близким и дорогим человеком, не менее трагична. Ду Исин, уроженец провинции Шаньдун, спасаясь от голода, приехал на заработки на Дальний Восток и оказался в революционной России. Некоторое время он работал и учился. По словам Ду Исина, его особенно интересовала математика. По-видимому, он обладал незаурядными способностями, и его направили в Москву для обучения в Военной артиллерийской академии. Много лет спустя Учитель Ду показывал мне свою зачётную книжку с отличными оценками. Я точно не помню, сколько курсов он уже закончил, когда был арестован как китайский шпион. Прошел Гулаг. Отбывал срок в районе Воркуты, а затем был отправлен на поселение в Казахстан, где провёл более 10 лет в очень тяжёлых условиях. Став консультантом в Институте китаеведения (а потом и в Институте востоковедения), Ду Исин чувствовал себя счастливым. К нему все без исключения относились очень уважительно, а он безотказно помогал всем желающим в работе с китайскими текстами. Авторы многих монографий и переводчики китайских памятников, вышедших в последние десятилетия, выражают Ду Исину свою признательность. Я принадлежу к их числу. Прошло уже тринадцать лет, как мы потеряли Учителя Ду, но с годами для меня всё более ценными становятся качества, присущие его человеческой природе – человеколюбие, ответственность, чувство собственного достоинства.

Большую часть своей жизни (за исключением того времени, когда пришлось выполнять обязанности референта по внешней политике КНР и составлять никому не нужную картотеку международных событий) я занималась тем, что мне было интересно. Увидев впервые поступивший в Институт китаеведения только что изданный в КНР зелёный восьмитомник Синьхай гэмин («Синьхайская революция»), я стала постоянно думать о том, чтобы продолжить работу, начатую ещё в Университете. Такая возможность представилась, когда С.Л. Тихвинский, создавая авторский коллектив для написания «Новой истории Китая», привлёк молодых специалистов. Его монография о реформах 1898 г., опубликованная в 1959 г., изменила наши представления о Китае конца XIX в.: исследовалась проблема реформаторства, на историческую сцену были выведены учёные-

конфуцианцы Кан Ювэй, Лян Цичао, стало известно содержание утопической концепции Датун. Работать в группе оказалось интересно. Лично мне это позволило вернуться к истории «Союза возрождения Китая» и участвовать в переводах сочинений Сунь Ятсена. Все авторы «Новой истории Китая» написали по своим темам монографии и защитили кандидатские диссертации (А.М. Григорьев, А.С. Ипатова, О.Е. Непомнин, Ю.В. Чудодеев, А.С. Костяева).

Изучение ранней деятельности Сунь Ятсена – тема для исследователя очень выигрышная. История создания «Союза возрождения», от которого ведёт начало Гоминьдан, имеет свою «интригу» (в данном случае запутаны были вопросы о лидерстве и формировании программных требований). В историографии упрощённо преподносился вопрос об эволюции взглядов Сунь Ятсена: утверждалось, что с 1884 г. он прочно стоял на революционных позициях и отстаивал лозунг республики. Опубликованные в КНР материалы открывали возможность разобраться в клубке противоречивых фактов. Самой увлекательной была работа с текстами Сунь Ятсена, их перевод и анализ. Особенно это касается «Представления Ли Хунчжану» (1894 г.). Проблематика и стилистика послания, с которым молодой Сунь Ятсен обратился к высокому цинскому сановнику, давали основания утверждать, что написано оно было под влиянием и не без участия ранних реформаторов (Чжэн Гуаньин, Хэ Ци, Ван Тао). Спустя многие годы Сунь Ятсен как теоретик по-прежнему для меня интересен. Особенно хотелось бы понять его итоговый труд Сань минь чжуи («Три народных принципа»), его обращение к традиции.

Осенью 1965 г. в составе делегации общества советско-китайской дружбы я прибыла в Шанхай и, естественно, мечтала побывать в домемузее Сунь Ятсена. Времена тогда не располагали к дружеским отношениям, и организовать экскурсию не удалось. Было сказано, что музей закрыт для посетителей. Но мне всё-таки пошли навстречу, и в один действительно прекрасный день отвезли в резиденцию Сунь Ятсена, расположенную на территории бывшей французской концессии (ул. Мольера, 29). Сопровождающий ничего не рассказывал, просто провел по покоям знаменитого особняка и разрешил мне немного побыть одной в кабинете. В этот момент, конечно, появилось ощущение реальности исторических событий, которые я ранее изучала. На полках хранилось множество томов китайских и западных изданий, принадлежавших Сунь Ятсену. Помню, что тогда меня не оставляла мысль о том, как бы было интересно увидеть пометки на полях этих книг, сделанные рукой их владельца.

Изучая источники по истории революционного движения на рубеже XIX—XX вв., я наталкивалась иногда на публикации, в которых речь шла о теориях европейского социализма, встречались имена Сен-Симона, Фурье, Лассаля и даже Маркса. Последнее обстоятельство меня заинтересовало. Дело в том, что обнаруженные факты противоречили концепции, выдвинутой Мао Цзэдуном, согласно которой «залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм». Начало знакомства китайского общества с европейским социализмом относили ко времени

«движения 4 мая» (1919 г.). Ранний период распространения этих теорий не изучался в мировой историографии вплоть до середины 1980-х годов. Я полагала, что смогу написать на эту тему одну, максимум – две статьи, но материала оказалось в избытке для большой монографии «Общественная мысль Китая и социализм».

Поначалу меня интересовали конкретные факты: издания, в которых сообщалось о новом европейском учении, авторы, впервые упомянувшие о теории Маркса, степень осведомленности китайских лидеров о социалистическом движении на Западе. На этом пути «открытия» следовали одно за другим. Удалось установить, что ранние сведения о европейском социализме содержались в публикациях миссионерского журнала Вань-го гун-бао, что имя Маркса впервые появилось в работе Лян Цичао, что уже на рубеже веков политические деятели имели представление о разновидностях западного социализма. Удалось проследить, что, разъясняя содержание нового учения, китайские мыслители широко использовали метод аналогий. В данном случае современные европейские теории отождествлялись с конфуцианской концепцией Датун (Великое единение), которая была представлена в главе Ли юнь канонической книги Ли изи (IV–I вв. до н.э.).

В ходе работы над темой пришло понимание многогранности событий, происходивших в Китае на рубеже XIX-XX вв.: история распространения идей европейского социализма – всего лишь небольшой фрагмент огромной картины, всего лишь один из сюжетов глобального процесса. Древнейшая восточная империя, родина Конфуция и Мэн-цзы, Лао-цзы и Чжуан-изы, открывала для себя ценности западной цивилизации. Произошла «встреча» двух культур. В рамках каждой из них сложилась собственная картина мира, сформировались самобытные универсальные представления о времени, истории, человеке. Сочинения китайских мыслителей того времени полны трагизма. Общество испытало шок от знакомства с теорией борьбы за существование, согласно которой выживают только сильнейшие. Это разрушило традиционную концепцию гармоничного универсума. Новая для китайцев идея прогресса изменяла их взгляд на ход истории, заставила переосмыслить конфуцианскую утопию Датун, перенести идеал из прошлого в будущее. Встреча с Западом привела к пересмотру особого статуса Поднебесной как центра мира, цивилизующего окрестных варваров, что также воспринималось болезненно. Проблемы, связанные со сменой мировидения, пока лишь намечены в историографии, их ещё предстоит изучить.

Последние несколько лет я пыталась понять процессы, проходящие на уровне более конкретном, восстановить некоторые ключевые моменты в истории знакомства тогдашнего общества с европейской политической философией. На рубеже XIX–XX вв. почти одновременно в Китае стали известны имена Платона и Руссо, Аристотеля и Милля, Монтескье и Маркса. Процесс освоения новых идей происходил сложно. Важнейшие понятия европейской политической мысли – «свобода», «демократия», «право», «народ-гражданин», «общество», «общее благо», «революция» не имели китайских аналогов. По мере знакомства с сочинениями китайских

мыслителей сформировался круг проблем, которые стали для меня приоритетными. Первая – это проблема понятийного аппарата, т.е. каким образом китайские авторы, пользуясь традиционным классическим словарём, передавали терминологию западных учений. Вторая (тесно связанная с первой) – это проблема трансформации смысла европейских идей на китайской почве. Толкователи новых теорий, объясняя «чужое» через «своё», прибегали к сравнениям, обращались к богатейшему философскому наследию Китая, что зачастую приводило к искажению исходной мысли. Отцом-основателем демократии называли Мэн-цзы (IV-III вв. до н.э.). Идею современного парламентаризма находили в знаменитой канонической «Книге перемен» (И изин). В духе рациональной утилитаристской этики трактовали учение Ян Чжу (V-IV вв. до н.э.) о получении «выгоды для себя». Различные пласты древнейшей культуры в этот уникальный период были востребованы обществом. Китайская интеллектуальная элита предприняла попытку реформировать конфуцианство как этико-политическое учение.

Одним из важнейших источников по реформации конфуцианства на рубеже XIX—XX вв. служат сочинения Лян Цичао (1873—1929). Он, как никто другой, был опьянён западными идеями либерализма и демократии, не уставал знакомить соотечественников с достижениями европейской мысли. Но уже в 1902 г. Лян Цичао пытается переосмыслить накопленные идеи в трактате Синь минь шо («Учение об обновлении народа»), в самом названии которого содержится одно из ключевых понятий (синь минь) конфуцианской канонической книги Да сюэ («Великое учение»).

Особенность сочинений Лян Цичао заключается в том, что его тексты многослойны. Автор искусно вплетает в конфуцианский контекст важнейшие теоретические положения западной политической философии. Чтобы следить за его мыслью, необходимо было знать первоисточники не только китайские, но и западные. С большим интересом и большой пользой для себя я читала европейскую классику: трактат Руссо «Об общественном договоре», «О духе законов» Монтескье, «Государство» Платона, «О свободе» Милля, а также сочинения других известных и малоизвестных авторов. После этого работы Лян Цичао оставляют очень сильное впечатление. Начинаешь осознавать, как трудно было китайцам с их традиционным мировидением, с их самобытной политической культурой воспринять западные идеи либерализма и демократии. Значительно легче оказалось принять социализм и концепцию сильного национального государства (этатизм).

Спустя столетие проблема освоения ценности западной цивилизации для Китая существует по-прежнему. Решение её не может быть лёгким. Судьба либерализма и демократии в России служит тому подтверждением.